

Образование территории Московского государства *).

I.

Шестнадцатый и семнадцатый вѣка русской исторіи—
время непрерывнаго роста государственной территории.
Это расширение было достигнуто отчасти завоеваніемъ,
отчасти черезъ разселеніе по равнинѣ славяно-русскаго
племени. Отсюда—рядъ безпрерывныхъ и тяжелыхъ

*). Важнейшая литература: „Географическо-статистический словарь Российской Империи“ Семенова, 5 т. 1863—85 г.; „Материалы для географии и статистики въ Россіи, собранные офицерами генерального штаба“; Нестяжковичъ. „Поволжье въ XV и XVI в.“ 1877 г.; Ею-же. „Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в.“ 1882 г.; Милюковъ. „Очерки русской культуры“, вып. I. 1896 г.; Любавский. „Историческая географія Россіи въ связи съ колонизацией“ (лекціи). 1909 г.; Булгаковъ. „О сторожевой, станичной и полевой службѣ“ (Чт. въ О. И. и др. 1845—6, IV); Чечулинъ. „Города въ XVI в.“ 1889 г.; Неволинъ. Полное собраніе сочиненій, т. VI; П. Смирновъ. „Орловский уѣздъ въ XVI в.“ 1910 г.; Богословский. „Земское самоуправление на сѣверѣ Россіи“ 1910 г.; Богданъ. „Очерки изъ истории колонизации и быта степной окраины“ 1887 г.; Ею-же. „Материалы для истории колонизации“ 1886—90 г.; Ею-же. „Къ истории хозяйственного быта Курского и Воронежского края“; Михаилевский. „Къ истории хозяйственного быта Московского государства“ 1894 г.; Ильиновъ. „Очерки по истории смуты“ 1899 г., 2-е изд. 1901 г.; Соколовский. „Экономический быт земледѣльческаго населенія передъ крѣпостнымъ правомъ“ 1878 г.; Новомѣдведицкий. „Борьба за Ливонію между Москвою и Рѣчью Посполитой“; Вельмишновъ-Зерновъ. „Извѣстія о касимовскихъ царяхъ“ 1863—66 г.; Ешевский. „Русская колонизация сѣверо-восточнаго края“ (Вѣстн. Евр. 1866 г., 1); И. Н. Смирновъ. „Вотяки“ (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. У. 1890 г., VIII); Ею-же. „Пермяки“ (тамъ же 1891 г. IX); Арсеньевъ. „Стат. очерки Россіи“ 1848 г.

войнъ съ востокомъ и западомъ, правда, не всегда кончавшихся удачно, но, въ конечномъ счетѣ, значительно расширявшихъ государственную территорію. Отсюда же идетъ непрерывное движение народа на востокъ и юго-востокъ.

Ростъ територіи, съ одной стороны, совершается за счетъ земель, составлявшихъ територію литовско-русского государства, съ другой стороны, государство увеличивается на счетъ земель, населенныхъ хищниками инородцами: башкирами, татарами, ногайцами, черемицами и чувашами; ихъ слабость и внутренняя неурядицы облегчали правительству и народу безпрерывное движение на югъ и юго-востокъ, по течению Волги и Дона и дальше за Ураль, вглубь Сибири. Рядомъ съ этимъ замѣтенъ колонизаціонный процессъ, правда, нестоль значительный, какъ на югѣ и юго-востокѣ, но, во всякомъ случаѣ захватившій не малую часть нашего пустынного сѣвера и давшій населенію возможность эксплоатации природныхъ его богатствъ.

Територіальное объединеніе сѣверо-восточной Россіи можно считать къ концу XV вѣка закончившимся. Ея границы соприкасались съ литовско-польскимъ государствомъ, нѣкогда поглотившимъ сѣверо-западныя и юго-западныя русскія волости.

Московское правительство, начиная съ Ивана III, объявивъ всѣ русскія земли своей „отчиной“ и отрицая право литовскихъ князей на владѣніе русскими землями, вступило съ Литвою изъ-за нихъ въ непрерывную и упорную борьбу, поставивъ себѣ задачей соединеніе юго-западной и сѣверо-западной Руси съ Русью Московской. Борьба съ обѣихъ сторонъ велась съ необыкновеннымъ упрямствомъ и настойчивостью. Обѣ стороны не желали никакихъ компромиссовъ, никакихъ временныхъ перемирий: конечная цѣль политики московскихъ государей прекрасно высказана московскими боярами: „коли государь вашъ похочетъ съ нашимъ государемъ любви

и братства, и онъ бы государю нашему отчины ихъ русские земли поступился".

Борьба для Москвы не всегда была удачна. Главнымъ пунктомъ раздора между государствами является Смоленскъ, сохраненіе которого для Литвы являлось вопросомъ сохраненія цѣльности и единства Литовско-Русского государства. Отдача его Москвѣ — это начало распаденія еготерриторії. Обѣстороны прекрасно оцѣнили положеніе Смоленска, и первоначально фактически борьба шла только изъ-за него. Къ тому же Смоленскъ былъ крупнымъ торговымъ центромъ, и владѣніе имъ давало возможность урегулированія торговли въ томъ или другомъ направлениі. Москвѣ удалось захватить Смоленскъ только въ 1514 году, послѣ трехъ смоленскихъ походовъ.

Несмотря на послѣдовавшее вскорѣ пораженіе русскихъ войскъ при Оригѣ, по перемирію 1522 года Смоленскъ остался въ рукахъ Москвы. Попытка Литвы вернуть его въ 1535 году окончилась неудачей, и до смутного времени Смоленскъ входилъ въ составъ Московского государства.

Правительство Грознаго прекрасно понимало необходимость мира для процвѣтанія страны въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніи. Пріобрѣтеніе гавани на морѣ дало бы возможность поддерживать непосредственныя сношенія съ Европой и давало надежду оживить падавшія торговыя сношенія съ западомъ устраниемъ препятствій со стороны Ливонскаго Ордена, державшагося по отношенію къ Москвѣ исклучительно вызывающаго тона. Когда въ 1553 г. кончилось перемиріе между Орденомъ и Москвой, правительство въ надеждѣ на слабость Ордена, рѣшило воспользоваться переговорами относительно перемирія для начала военныхъ дѣйствій и завоеванія береговъ Балтики. Правительство соглашалось на перемиріе только подъ условіемъ предоставленія русскимъ и ливонскимъ гостямъ свободной торговли въ обоихъ государствахъ, отказа отъ союза съ

борьба за
Смоленскъ

борьба за
Ливонию

польскимъ королемъ, вознагражденія за всѣ порубеж-
ныя и торговыя обиды, уплаты втечење трехъ лѣть-
дани, слѣдовавшій съ города Юрьевъ, которую нѣмцы
не платили около 50 лѣть, и, наконецъ, нѣмцы въ
Юрьевѣ должны были очистить русскіе концы и церкви.

Для Ордена подобныя условія оказались непріемлемыми. Началась война и сначала пошла для Москвы
очень удачно, но Орденъ обратился за помощью къ
Швеціи и Польшѣ. Такъ Ливонская война превра-
тилась въ русскую-литовскую и отчасти шведскую.
Начало было удачно для Москвы. Быть взять Полоцкъ,
но затѣмъ начинается эпоха неудачъ и пораженій, пре-
людій къ которымъ явилось Оршинское пораженіе.
Воюющія стороны даже вступали въ переговоры, такъ
какъ война утомила обѣ стороны, но условія, вы-
ставленные Грознымъ, были непріемлемы для его
противниковъ. Москвѣ соглашались оставить Полоцкъ
и часть Ливонії,—Грозный добивался всей Ливонії.
Опираясь на Земской соборъ 1556 г., Грозный не согла-
сился на перемиріе, и военныя дѣйствія возобновились.
Съ появлениемъ на польскомъ престолѣ Баторія, подъ
натискомъ послѣдняго, Москва довольно скоро пото-
ряла всѣ свои завоеванія. Быть взять Полоцкъ, а за
нимъ и другіе сосѣдніе города—Велижъ, Усвѣть,
Великія Луки, Ревель, огромная часть Новгородской
области была въ рукахъ Баторія. По перемирію въ
Киверовой горкѣ, у Запольского Яма, русскіе отказа-
лись отъ Ливонії, а поляки возвратили всѣ занятые
псковскіе пригороды: Великія Луки, Холмъ, Заво-
лочье (1582 г.). Военныя дѣйствія со Швеціей прекра-
тились въ 1595 г. по Тявзинскому договору, тоже не-
пріятному для национального самолюбія: въ рукахъ
шведовъ оставалась значительная часть русскихъ го-
родовъ въ Эстоніи и Новгородской землѣ, хотя нов-
городскіе пригороды Ямъ, Копорье, Ивангородъ воз-
вращались Москвѣ.

Въ смутное время поляки, воспользовавшись тѣмъ, что шведы заключили союзъ съ Шуйскимъ, перешли русскую границу и осадили Смоленскъ, который паконецъ и взяли. Взятие Смоленска и Сѣверщины, а также захватъ шведами новгородской территории—опредѣлили характеръ виѣшней политики въ XVII вѣкѣ. Новой династіи пришлось вести рядъ войнъ съ поляками и шведами, не всегда благополучно кончавшихся, до крайности напрягавшихъ платежный силы населенія. Правительство царя Михаила вело двѣ войны съ поляками, и обѣ кончились неудачно. Отнятая территорія осталась въ рукахъ поляковъ, а грандіозный походъ Шеина подъ Смоленскъ кончился небывалымъ пораженіемъ (1632-4 г.). Правительство могло утѣшить себя лишь отказомъ королевича Владислава, впрочемъ за изгѣбстную сумму, отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ, предложенный ему въ эпоху смуты.

Результаты войны со шведами не лучше: по Столбовскому миру король уступилъ всѣ русскія завоеванія, не исключая и Новгорода, получивъ 20.000 руб. отступного, оставляя за собой южный берегъ Финскаго залива съ Невой и цѣлой сѣстью старинныхъ русскихъ городовъ: Ямомъ, Копорьемъ, Иванъ-городомъ, только при Борисѣ возвращенныхъ было Москвѣ. Условія мира сводили на нѣтъ многолѣтнія попытки правительства пробиться къ берегамъ Балтійского моря; они еще дальше отрѣзывали русскихъ отъ моря.

Царь Алексѣй считался въ своей виѣшней политикѣ съ польскими и шведскими отношеніями. Съ поляками пришлось столкнуться въ первые годы правленія, послѣ окончательного присоединенія Малороссіи къ Москвѣ.

Польское правительство признало принятіе подданства Хмельницкимъ вызовомъ со стороны Москвы, и немедленно начало военные дѣйствія. Новая война была необыкновенно удачна для Москвы: царь, прини-

мавшій участіе въ походѣ подъ Смоленскъ, принудилъ его сдаться. Армія вступила въ Бѣлоруссію и заняла большую ея часть. Послѣ Бѣлоруссії также участіе постигла Литву. Ея столица Вильно и большиe города Ковно, Гродно были въ рукахъ царя. Положеніе Польши было прямо критическое, такъ какъ Швеція тоже объявила войну и захватила Варшаву съ Краковомъ. Въ эту тяжелую для Польши минуту царь Алексѣй, по просьбѣ австрійского императора, согласился на перемиріе съ поляками, при условіи оставленія за Москвой Малороссіи и Бѣлоруссії, и самъ началъ войну со шведами, которая кончилась миромъ въ 1661 г. въ Кардисѣ и не дала никакихъ положительныхъ результатовъ для Москвы. Такъ, решеніе въ одно время польского и балтійского вопроса привело къ полной неудачѣ въ послѣднемъ и решительнымъ уступкамъ въ первомъ.

Перемиріе съ Польшой было недолговѣчно. Въ Малороссіи начались смуты. Казацкая старшина отпала отъ Москвы и присягнула Польшѣ. Польша воспользовалась малороссійскими затрудненіями и шведскими неудачами, чтобы начать войну и возвратить области, уступленныя Москвой по миру 1656 года. Вторая польская война была неудачна для Москвы, и трудно сказать, чѣмъ бы она кончилась, если бы движение, поднятое Дорошенко, не заставило обѣ стороны пойти на уступки; въ результатѣ былъ заключенъ въ 1667 году Андрусовскій миръ, по которому за Москвой остался Смоленскъ, Сѣверская область, лѣвобережная Малороссія съ городомъ Кіевомъ на два года; поляки получили обратно всѣ завоеванія въ Литвѣ и Бѣлоруссії. Впрочемъ, городъ Кіевъ остался на всегда въ рукахъ Москвы, что и было признано поляками по такъ называемому вѣчному миру, опредѣлившему отношенія Руси къ Польшѣ въ XVII в.(1686 г.).

Результаты польскихъ войнъ, конечно, существенны въ смыслѣ увеличенія территории, но онѣ не достигли

своихъ цѣлей: въ рукахъ Рѣчи-Посполитой оставалось немало русскихъ земель, составлявшихъ „отчину“ московскихъ государей. Окончательное приведеніе въ исполненіе плановъ Ивана III падетъ на долю XVIII вѣка. Эти тяжелыя войны не остались безъ вліянія на уходъ населенія изъ центральныхъ областей на окраины государства.

II.

Московскому правительству приходилось послѣ рас-
паденія Золотой орды и паденія татарского ига быть вѣчно насторожѣ. Усиливается Казанское царство, подымается военное значеніе Крымскаго ханства. Азіат-
отношения к
татарамъ
ские хищники постоянно грабятъ наши пограничныя восточныя и южныя области. Москвѣ приходилось всегда быть наготовѣ, заниматься мобилизаціей и организацией военной силы, принимать мѣры отъ хищниковъ. Эта борьба на два фронта со степью ставила подчасъ правительство въ очень затруднительное положеніе, но на счастіе его противники не умѣли дѣйствовать вѣчно. Татарскіе ханы не любили другъ друга и вѣчно враждовали. Этой враждой искусно воспользовалось правительство, натравливая ихъ другъ на друга и заключая съ ними отдѣльныя сепаратныя соглашенія, посылая имъ „упоминки“ и тѣмъ пытаясь обезопасить страну отъ набѣговъ. Однако, такая политика не всегда достигала своихъ цѣлей: друзья довольно часто превращались во враговъ и дѣлали нападенія на Москву.

Непрочность этихъ отношеній московское правительство представляло себѣ довольно отчетливо и подумывало объ оборонѣ границъ, заселяя для этой цѣли, пограничныя области по окнѣ татарскими выходцами обезпечивая ихъ въ изобиліи деньгами и службой. Такъ возникли татарскія пограничныя поселенія въ Каширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ. Впрочемъ, эта мѣра оказалась скоро недостаточной. Всѣ три ханства соеди-

нились въ рукахъ династіи Гиреевъ, сдѣлавшихъ въ 1521 г. опустошительный набѣгъ на Москву. Испомѣщенные татары не могли, конечно, сдержать огромныхъ полчищъ. Правительство, убѣдившись въ недостаточной охранѣ границъ, стало посыпать на границу по лѣтамъ армію, выставляя южнѣе Оки отдѣльные сторожевые посты; строить города и крѣпости, отнимая тѣмъ у хищниковъ „дикое поле“.

Завоеваніе
Казанскаго и
Астраханскаго
царствъ.

Тогда же возникаетъ мысль о завоеваніи татарскихъ царствъ, но сначала думали только о Казани и Астрахани. Послѣднія были ближе къ Москвѣ; въ нихъ чувствовалось сильное московское вліяніе, да къ тому же Казань была богатымъ рышкомъ, куда съѣзжались купцы съ отдален-наго востока и степняки со скотомъ и рыбой. Возможность захвата восточнаго рынката тянула Москву къ Казани; притя-гивали также почвенные и рыболовныя богатства Казан-скаго края. Къ достижению своихъ цѣлей правитель-ство идетъ медленной, но твердой поступью. Воспользо-вавшись партійной борьбой среди татарской аристократіи, правительство организовало среди знати московскую партію, одаряя золотомъ и мѣхами ея сторонниковъ. Конечно, внутренняя борьба, ослабляя Казань, подгото-вила ея паденіе, но всетаки это былъ второстепенный тактический приемъ. Другимъ приемомъ была колониза-ція степи по сосѣдству съ Казанскимъ царствомъ, медленно, но упорно приближавшая границы москов-скаго государства къ Казани.

Въ XIV вѣкѣ Москва прочно утвердилась въ Ниж-немъ, но дальнѣйшія попытки при господствѣ татаръ кончались полнѣйшей неудачей: набѣги уничтожали даже слѣды русскихъ поселеній. Однако тяготыніе къ богатствамъ края было столь сильное, что населеніе спова возвращалось понемногу, чтобы быть опять прогнаннымъ. Правительство въ интересахъ колони-зациіи предоставляло привилегіи частнымъ владѣль-цамъ, освобождая ихъ отъ податей для того, чтобы „слободу строiti“. Привилегіи и рыболовные про-

мысли дѣлали свое дѣло: всякаго рода безработные, нетяглые, неписьменные люди, а иногда люди изъ иныхъ княженій, селились на землѣ, столь псудобной въ смыслѣ безопасности. Такъ возникло немало поселеній.

Послѣ паденія ига колонизация идетъ успѣшнѣе. Началась колонизация праваго берега Волги; ко времени Василія III она дошла только до рѣки Суры; а при Василіи успѣли перешагнуть черезъ нее, построивъ городъ Василь-Сурскъ на правомъ берегу Суры при впаденіи ея въ Волгу,—стратегіческій пунктъ противъ Казани. При Грозномъ уже на землѣ Казанскаго царства построили Свияжскъ при впаденіи Свияги въ Волгу, въ 20 верстахъ отъ Казани.

Постройка этого города была предпринята въ интересахъ предполагаемаго похода на Казань. Совмѣстныя усиленія народа и правительства повели къ тому, что въ 1552 году Казань пала, а спустя четыре года та же судьба постигла и Астрахань. Завоеваніе ея вытекало изъ покоренія Казани.

Завоеваніе двухъ царствъ имѣло немаловажный послѣдствія: выросли новые твердыни русской осѣдлости, и правительство имѣло полную возможность дальнѣйшаго ея расширенія, строя крѣпости и города, врѣзываясь клиномъ въ земли башкиръ и ногайцевъ, постепенно замирия и подчиняя ихъ себѣ.

Въ цѣляхъ удержанія завоеваннаго края, правительство начинаетъ строить города. Черемисы были недовольны появлениемъ русскихъ и часто дѣлали набѣги. Приходилось строить города для окончательнаго ихъ покоренія. Такъ возникали на правомъ берегу Волги: Чебоксары при впаденіи Чебоксары въ Волгу, Цивильскъ и Козьмодемьянскъ, недалеко отъ впаденія Ветлуги въ Волгу, а на лѣвомъ берегу для тѣхъ же цѣлей построили Кокшайскъ, среди устья Большой и Малой Кокшагъ, и Сунгурскъ. Эти города, особенно Чебоксары, и стали центромъ, откуда посылались отряды для покоренія инородцевъ, чувашей и черемисъ.

Постройка
городовъ про-
тивъ ногайцевъ
и башкиръ. Новые города возникали въ покоренной области не только среди указанныхъ инородцевъ: возникали они также и въ другихъ мѣстахъ, но вслѣдствіе другихъ условій. Кочевавшіе за Волгой ногайские мирзы стали для московскаго правительства опаснымъ сосѣдомъ. Докодя лѣтомъ до Камы и переправляясь иногда черезъ нее, ногайцы входили въ предѣлы государства съ цѣлью грабежа. Правительство стало принимать мѣры „противъ прихода ногайскихъ людей“, въ особенности въ мѣстахъ переправы черезъ рѣки. На одной изъ такихъ переправъ уже въ 1557 году выстроили Лайшевъ, на правомъ берегу Камы, недалеко отъ устья. Вѣроятно, около того же времени былъ выстроенъ на правомъ берегу Волги г. Тетюши. Построенные города имѣли цѣлью сдерживать жителей завоеванного края въ покорности и утвержденіе русскаго господства. Это отразилось отчасти на составѣ городского населенія, преимущественно военнаго. Въ городахъ жили стрѣльцы и дѣти боярскіе, переведенные сюда изъ центральныхъ областей. Въ новыхъ городахъ строились церкви и монастыри для развитія широкой миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ въ цѣляхъ сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ на почвѣ единства религіозныхъ вѣрованій. Ливонская война пріостановила на некоторое время правительственную колонизацію; затѣмъ съ 80-хъ годовъ, начинаясь колонизація нижняго Поволжья. Для защиты отъ ногайцевъ возникаютъ города повыше Астрахани: Самара (1586), Саратовъ (1588), Царинъ (1589); появляются русскія поселенія, въ земль башкиръ: Уфа (1588) и Бирскъ на рѣкѣ Бѣлой Воложкѣ.

Съ появлениемъ новыхъ городовъ усиливалась безопасность на окраинныхъ мѣстахъ Поволжья, заселенаго русскими людьми. По писцовымъ книгамъ XVI вѣка можно судить о его замѣтномъ увеличеніи. Значительная часть дворцовыхъ, монастырскихъ и служилыхъ земель была заселена слободами съ русскимъ населеніемъ, занимавшимся земледѣліемъ и промыслами.

Новозаселенныя мѣста носять почти всѣ русскія названія. Рядомъ съ инородческой номенклатурой даже небольшія рѣки, овражки, горки получили русское название.

Таковы результаты правительственной колонизации Поволжья.

III.

Колонизаціонное движение замѣтно увеличивается въ XVII вѣкѣ: на помощь правительству приходитъ частная инициатива. Населеніе въ XVII вѣкѣ оставляетъ границы русской населенности, доходившей до Камы. Усиленное народное движение за Каму—результатъ дѣйствія довольно разнообразныхъ причинъ. Въ смутное время стало снова небезопасно жить въ предѣлахъ Казанского царства. Покоренные инородцы и элементы, недовольные соціальнымъ положеніемъ, грабили мирное населеніе по Волгѣ. Пострадало отъ нихъ немало городовъ, въ особенности Цивильскъ, были разорены села. Люди шли въ „дикое поле“ и тамъ, среди огромныхъ степныхъ пространствъ, заводили починки, обзаводились бортными угодьями и сѣнокосными пожнями.

Въ степи были спокойнѣе, и воровскія шайки туда не проникали. Но колонизація не останавливается и послѣ смуты, скорѣе даже усиливается, о чёмъ можно судить по писцовыми книгами XVI и первой четверти XVII-го вѣка. Уходъ населенія въ степь можно поставить въ связь съ системой экспенсивного хозяйства, преобладавшаго въ краѣ и вызвавшаго быстрое истощеніе почвы: „дикое поле“ и привлекало своимъ богатейшимъ черноземомъ, еще не тронутымъ сохой, и богатствомъ лѣсныхъ и луговыхъ угодій. Немалую роль играли въ дѣлѣ колонизаціи и монастыри.

Въ этомъ отношеніи особенную дѣятельность обнаружили: Преображенскій-Казанскій, Троицкій и Бого родицкій монастыри въ Свияжскомъ уѣздѣ, имѣвшіе

колонизація
въ XVII в.

въ Закамской сторонѣ дворы и поселки, въ которыхъ жили, постоянно или перемѣняясь, старцы, монастырскіе служки, монастырскіе дѣтиныши.

Всѣ эти поселки, съ увеличенiemъ количества населенія, постоянно выдѣляли изъ себя артели вольныхъ охотниковъ, уходившихъ въ степь. Колонизація за Каму совершилась первыя тридцать лѣтъ при особынно благопріятныхъ условіяхъ. Ногайская орда, до сихъ поръ постоянно прикочевывавшая къ границамъ государства, находилась въ нѣкоторой зависимости отъ московскаго правительства, да и сама она, ўмножившися количественно подъ вліяніемъ постоянныхъ голодовокъ, раздираемая внутренними усобицами, не представляла собой той грозной силы, какой она была раньше; это обстоятельство благопріятствовало, конечно, колонизаціонному движению. Появленіе въ 30-хъ годахъ калмыковъ изъ Азіи съ береговъ Иртыша и Ишима и подчиненіе имъ ногайцевъ явилось и для правительства и для населенія нѣсколько неожиданнымъ прецѣствиемъ. Новые поселенцы закамской страны постоянно подвергались нападеніямъ калмыковъ, не дававшихъ имъ покоя.

Приходилось припяться за постройку закамской оборонительной линіи—черты; и укрѣпленія возводятся все глубже и глубже, клиномъ врѣзываясь въ степь, тѣмъ болѣе, что, несмотря на вышнія неблагопріятныя обстоятельства, приливъ населенія не уменьшался: появились новые почики и деревни. Такъ, въ сороковыхъ годахъ было выстроено только три небольшихъ острожка: Ахташинскъ, Старо-Шешминскъ (на рѣкѣ Шешмѣ) и Мензелинскъ на рѣкѣ Инкѣ; въ 1650 году былъ уже выстроенъ городокъ Чалны при впаденіи Чалны въ Каму. Жители городовъ, предназначенныхъ „для обереганья отъ прихода калмыцкихъ и ногайскихъ людей“, получали близъ городовъ пахатныя земли, поля, сѣнокосъ, и за это несли городовую повинность.

Но эти города не достигли своихъ цѣлей: населеніе

не было въ безопасности. Тогда правительство приступило къ постройкѣ непрерывной черты укрѣплений при помощи специально наряженныхъ для этого людей, преимущественно изъ среды замиренныхъ инородцевъ: чувашей, черемисовъ и вотяковъ. Начиная съ 1652 г., втечение 4 лѣтъ, строились города и укрѣпленія, захвативъ огромное пространство отъ рѣки Ики до нижняго теченія Большого Черемшана съ его притокомъ Малымъ Черемшаномъ, пересѣкаю рѣки: Шешму, Кичуй, Заю и Ику.

Такъ были выстроены: Бѣлый Яръ, Ерыклиновъ, Благарскъ на Маломъ Черемшанѣ, Новошешминскъ, Кичуевскъ на рѣкѣ Кичуй, Занскъ на рѣкѣ Заѣ, и Маязелинскъ на Икѣ. Города строились въ зависимости отъ условій мѣстности: нѣкоторые въ степи, другіе въ лѣсахъ, а для заполненія образовавшагося промежутка между ними были выстроены городки, устроены валы и засѣки. Закамская черта подошла почти къ Волгѣ, таlk какъ Бѣлый Яръ находился только въ 88 в. отъ нея.

Постройка новой черты вызвала приливъ военнаго служилаго элемента: изъ различныхъ городовъ переводились сюда на „службу по государеву указу“ вмѣсть съ женами и дѣтьми на „вѣчное житье“ казаки, стрѣльцы и другіе служилые люди по прибору. Служилые люди, видимо, вербовались изъ людей различныхъ городовъ и разнаго происхожденія; тутъ были арзамасцы, тетюшане, нижегородцы. Военнослужилое населеніе получало „земли подъ дворы, подъ огороды и подъ гумио“; иногда отводилось известное количества четвертей подъ сѣнокосъ, если таковой былъ на мѣстѣ. Переселеніе служилаго люда не всегда было добровольно; правительство дѣйствовало иногда угро-<sup>приливъ на-
селенія и
его составъ</sup>зовъ и принужденіемъ: „а будеть нѣкоторые... изъ деревень и починковъ юхати не похотять, и тѣхъ велѣно вислать и въ неволю, а за ослушаніе велѣно имъ дѣ-

лать наказаніе: бить батогами и сажать въ тюрьму, чтобы однолично ихъ на Закамскую черту на вѣчное житѣе выслать всѣхъ нынѣшнимъ лѣтомъ". Постройка укрѣпленій, обезопасивъ районы новой осѣдлости отъ нападеній, вызвала сюда приливъ и крестьянскаго населенія, тоже выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей: тутъ можно было встрѣтить вятчанина, пермяка и т. п.

Шли сюда изъ внутреннихъ областей, спасаясь отъ крѣпостного права, недостатка земли, гонимые начинавшимся кризисомъ, повлекшимъ запустѣніе самыхъ населенныхъ областей XVII в. Новоселы устраивались, заводили пашню и постепенно перетягивали односельчанъ. Правительство пока не обращало вниманія на отливъ населенія изъ центра, такъ какъ нуждалось въ заселеніи края. Переселялись сюда и инородцы, боясь захвата сесторони русскихъ бортныхъ и звѣриныхъ ухожаевъ. Для той же цѣли правительство „испомѣстило“ группу литовскихъ пѣнныхъ—часть полоцкой шляхты; для обеспеченія ихъ крестьянскимъ трудомъ были взяты дворцовые крестьяне Казанскаго края съ 20 дворовъ по одному. Такъ заселялась Закамская оборонительная линія.

Почти одновременно шло построеніе Симбирской черты для праваго берега Волги. Кажется, еще при Михаилѣ былъ решенъ вопросъ о ся постройкѣ, чтобы „отъ крымскихъ и ногайскихъ людей... во всѣхъ городахъ войну отнять“, но пришлось привести въ исполненіе эту мысль только при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Новая черта строилась шесть лѣтъ (1648—1654) и отнимала ежегодно около 5000 „работныхъ людей у валового острожнаго дѣла“. Новая черта шла отъ города Симбирска. Затѣмъ шли острожки: Тагай, Уренъ, Карсунъ, Сура на Сурѣ, Саранскъ на Инсарѣ; крайнимъ пунктомъ черты на юго-западѣ былъ Инсарскій острогъ на рекѣ Ись. Новая черта примыкала къ городкамъ Нижнему и Верхнему Ломовому и Тамбову

и могла служить для защиты не только правого берега Волги, но и южной окраины. Постройка черты сопровождалась переселением сюда людей изъ болѣе на селеныхъ мѣстностей, безъ различія, кто они были— русскіе или инородцы. Населеніе переводилось „на вѣчное житѣ“. Иногда отнимались бобыли у монастырей и переводились съ „монастырскихъ выгоновъ и земель въ слободы, тягло, посадъ“. Всѣ люди получали деньги на „дворовое строеніе“, а также, смотря по званію, было отмѣreno „на нашю земли, и сѣнныя покосы, и всякия угодья“.

Защищена съ обѣихъ сторонъ, мѣстность къ югу отъ Тетюшъ представляла собой очень удобное мѣсто для заселенія. Помимо безопасности—этотъ край отличался прозительнымъ плодородіемъ. Сосѣдніе жители это знали и, какъ только явилась возможность, нахлынули сюда. Шли сюда землевладѣльцы изъ сосѣднихъ уѣздовъ и, съ согласія правительства, осваивали земли, еще никому не принадлежавшія, никому не отданыя и въ помѣстье, ни на оброкъ. Правительство въ интересахъ обороны сочувствовало такой колонизаціи. Служилые люди переводили сюда и крестьянъ изъ внутреннихъ областей: такъ появилось и здѣсь русское населеніе. Испомѣщаются здѣсь и крещеные инородцы съ татарами. Такъ, мало по малу притоки Свіяги были заселены испомѣщенными людьми. Къ 60-мъ годамъ XVII в. край являлся уже настолько заселеннымъ, что немного выше Симбирска, по рѣкѣ Сухому Бирюгу, съ трудомъ можно было встрѣтить „дикое полековыль“ и сѣнныя покосы, еще не занятые.

Въ 60-хъ годахъ крестьяне промышленники заняли обширную полосу земли, называвшуюся „Арбугинской землей“, примыкавшую къ Волгѣ. Они основали здѣсь нѣсколько слободъ, приписанныхъ къ дворцовому вѣдомству. Они владѣли здѣсь пахотными землями, а на лѣвомъ берегу сѣнокосомъ. Наконецъ, группа за-

хребетниковъ изъ Бѣлаго Яра перенесла на правый берегъ и поселилась на рѣкѣ Сенгилейкѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ эта мѣстность была уже совершенно занята, такъ что пришлось раздавать земли къ западу отъ черты. Появляются солдаты по рѣкѣ Сельдѣ, лѣвомъ притокѣ Свіяги, и Бѣлому Уреню, притоку Суры. Дворянине и дѣти боярскіе выпрашиваютъ себѣ здѣсь помѣстья, а затѣмъ переселяются сюда крестьянъ изъ внутреннихъ областей, одновременно принимая къ себѣ и бѣглыхъ.

Бѣжалы сюда не одни только крестьяне; частенько попадались здѣсь стрѣльцы, казаки, посадскіе поступившие на службу, отправлявшіе ее по городамъ и уѣздамъ. Конечно, не всѣмъ удавалось устроиться на новыхъ мѣстахъ; многіе возвращались паздѣ, но даже наказанія не останавливали постояннаго притока населенія. Во время бунта Стеньки Разина колонизація, конечно, временно простояла, но за то тѣмъ быстрѣе идетъ она по окончаніи его.

За-Симбирская черта постоянно населяется служилыми людьми, и въ 70-хъ годахъ лѣвый притокъ Свіяги—Гуша и правый—Тошля уже были заняты, и населеніе начинало переходить за валъ и селиться тамъ.

Поступали такимъ же образомъ и испомѣщенные служилые люди съ большинствомъ, чѣмъ у солдатъ, окладомъ, и едва ли не для защиты населенія, вышедшаго за Симбирскую черту, выстроили въ 60-хъ годахъ Пензу на Сурѣ.

Изъ мѣстностей, лежавшихъ южнѣе Симбирска, особенно притягивала поселенцевъ Самарская лука. Процессъ ся заселенія начался въ XVI вѣкѣ, продолжаясь непрерывно втечение всего XVII вѣка, такъ какъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, Самарская лука была едва ли не самымъ лучшимъ мѣстомъ въ Поволжье. Богатѣйший черноземъ, обиліе горючей

сѣры и соли (изъ соленыхъ ключей), лѣса, нетронутые человѣческой рукой, изобиловавшіе пчелиными бортами и звѣремъ. Пересѣкавшая ее рѣка Уса съ притоками изобиловала рыбой. Около луки, при впаденіе р. Самары въ Волгу, появилась въ XVI вѣкѣ Самара, ставшая довольно скоро важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ въ Поволжье, сдерживавшимъ долгое время напоръ калмыковъ.

Появленіе здѣсь промышленниковъ замѣтно въ XVI в.^{промышленники въ монастыри.} не только изъ русскихъ: едва ли не первыми пionерами являлись инородцы, владѣвшіе здѣсь бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами. Но приливъ собственно русскаго населенія начался только при Михаилѣ, когда при впаденіи Усы въ Волгу были выстроены два острожка, защищавшіе отъ набѣговъ калмыковъ. Купецъ Надѣя Свѣтешникова обратилъ вниманіе на соленые ключи и рѣшилъ завести здѣсь варницы для добыванія соли. Около соляныхъ варницъ возникли русскіе поселки. При царѣ Михаилѣ займы Свѣтешникова были подтверждены за нимъ особой грамотой. При царѣ Алексѣѣ эти варницы были выкуплены у родственниковъ Надѣи и пожалованы любимому монастырю Алексѣя—Саввѣ Сторожевскому. Монастырь, пользуясь разными льготами, повелъ еще удачнѣе эксплоатацию природныхъ богатствъ и скоро получилъ отъ царя „Лопатинскія и Васильковскія рыбныя ловли“, лежавшія у Самарской луки, выше Сызрани.

Черезъ 16 лѣтъ здѣсь уже было 283 двора, а въ нихъ жили „крестьяне, бобыли, мастеровые, работники и чуваши“. Монастырскія власти не препебрегали никакими средствами для расширенія владѣній, захватывая незанятыхъ земель, устраивая монастырскія слободы и заселяя ихъ бѣглыми людьми изъ верховыхъ городовъ, а также крестьянами, мордвою и чувашами, жившими раньше на дворцовыхъ земляхъ и переходившими на землю монастыря, получая свободу отъ по-датей на нѣсколько лѣтъ. Въ 80-хъ годахъ Усолью

принадлежала цѣлая группа большихъ и малыхъ поселковъ съ населеніемъ около 1000 человѣкъ, распахивавшихъ монастырскую пашню и исполнявшихъ разныя сельско-хозяйственные работы. Сверхъ обработанной земли монастырю принадлежала огромная масса „лѣсу пахотнаго и дикія непахотныя и пахотныя степи“.

Рядомъ съ этими, въ предѣлахъ Самарской луки, находились земли служилыхъ, патріаршія и дворцовыхъ. И эти владѣнія медленно заполняются населеніемъ, ушедшими сюда изъ другихъ мѣстъ. Это все „прихожіе люди разныхъ городовъ“. ¹⁾.

Сызранская
черта

Заселеніе мѣстности поставило на очередь вопросъ обѣ укрѣплениія ея границъ. Для защиты западныхъ границъ въ 70-хъ годахъ построили Пензу на Сурѣ, и въ скоромъ времени, согласно просьбамъ служилыхъ людей изъ сосѣднихъ уѣздовъ, Пензенскій уѣздъ заселяется военнымъ элементомъ. Приходили сюда и бѣглые крестьяне, селясь отдельными дворами. Въ 80-хъ годахъ правительство уже предполагало построить новую укрѣпленную линію и переводить на ея предполагаемыя границы служилыхъ людей въ количествѣ достаточномъ для охраны границы. Въ 1673 г. былъ уже выстроенъ городъ Сызрань руками дворянъ и дѣтей боярскихъ, иноземцевъ мурзъ, и татарь полковой службы, „симбирскихъ и корсунскихъ копейщиковъ, стрѣльцовъ и казаковъ Симбирской и Корсунской черты“; всѣмъ имъ „вѣлько не замотчавъ итти для строенія того Сызранскаго города“. Затѣмъ, по обычаю, переводилось сюда военно-служилое населеніе, получавшее здѣсь „порожжую землю“ вмѣсто „депежнаго и хлѣбнаго жалованья“ Въ результатахъ такой военной колонизаціи была постройка новой Сызранской черты отъ Сызрани до Пензы. Спустя нѣсколько лѣтъ южнѣе Сызрани возводится новое укрѣпленіе, Кашира, и тѣмъ самымъ началось заселеніе засызранской черты, куда и раньше тянули-

1) Изъ Арзамаса, Алатыря, Нижнаго Новгорода.

разные предпримчивые люди, провъдавъ о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ. Чудовъ монастырь получилъ право ловли рыбы въ Самарскихъ водахъ. Царь Алексѣй подтвердилъ это право „на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскихъ водахъ рыбу ловить про монастырскій обиходъ“. За Чудовымъ монастыремъ пошли и другія обители, и въ 80-хъ годахъ немало монастырей, выхлопотавъ себѣ берега на нагорной сторонѣ Волги, постепенно устроили здѣсь постоянныя селенія, заселивъ ихъ монастырскими рабочими. Такъ возникло много селеній, и Сызранская черта уже не достигала своей цѣли. Надо были построить упрѣпленія южнѣе ея. Такъ построили Петровскъ на верховьяхъ Медвѣдицы (1697) и Павловскъ на Хопрѣ для защиты отъ кочевниковъ и удалого русского элемента; для заселенія новыхъ крѣпостей правительство перевело сюда „третчиковъ и половинчиковъ“ съ Сызранской черты, они записаны были въ пахотные солдаты, пушкары, затинщики. На этомъ и закончилось укрѣпленіе мѣстностей южнѣе Сызрани. Только при Петрѣ, съ проведеніемъ укрѣпленной черты между Царицыномъ и Дономъ, явилась возможность культурной работы для населенія, а до этого времени жители при городахъ Царицынѣ и Саратовѣ, по словамъ одного современника, ничего снять въ поляхъ не смѣли, такъ какъ кубанская орда „чинила всякия озлобленія россійскому народу, брала людей въ полонъ и скотъ отгоняла“.

Такъ заселялась территорія бывшаго Казанскаго царства. Колонизація края была начата по чисто политическимъ причинамъ—необходимостью укрѣпить русское вліяніе въ завоеванной странѣ, дальнѣйшее заселеніе совершилось подъ вліяніемъ другихъ условій. Тянуло сюда населеніе богатство края. Бѣжали сюда люди, недовольные своимъ положеніемъ въ центрѣ. Захватывая территорію, населеніе выходило за предѣлы населенности, что выдвигало на очередь необходимость защиты новыхъ колонистовъ, ушедшихъ въ „дикое

Итоги колонизаціи
Поволжья

поле". Такъ возникли одна за другой новыя оборонительныя линіи: Закамская, Симбирская, Сызранская. Переядемъ теперь къ колонизаціи южныхъ границъ Московскаго государства, такъ называемой „степной Украины“.

IV

Колонизация
южныхъ грани-
цъ Поступательное движение на югъ совершилось съ такой же медленностью и настойчивостью, съ какой шла колонизация средняго и южнаго Поволжья.

Татарскіе хищники грабили пограничныя мѣстности, уводя съ собою большой полонъ, появлявшійся затѣмъ на рабовладѣльческихъ рынкахъ востока. Вотъ почему правительство тотчасъ же послѣ паденія ига принимаетъ рядъ мѣръ по оборонѣ границъ. Намѣчаются медленное поступательное движение въ степь русскаго народа. Строятся городки и острожки, пограничныя мѣстности заселяются служилымъ сословіемъ; проводятся укрѣпленія лишн, и все большее пространство степи попадаетъ въ сферу русскаго вліянія.

Колонизация
въ XVI в. Къ началу XVI в. русское населеніе, пользуясь прикрытиемъ лѣса, подвинулось значительно ближе къ степи. Южная граница доходила до Оки съ городами Серпуховъмъ, Коломной и Каширои для ея защиты. Это былъ, такъ называемый, берегъ. Затѣмъ береговая линія подвигалась постепенно къ югу, и въ 1513 году пограничная армія стояла уже въ Тулѣ. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ Чернигово-Сѣверской земли, южная граница должна была отойти еще дальше въ степь. Окраинными городами стали Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Новосиль, Мценскъ на Зушѣ, Одоевъ на Упѣ. А съ 1521 года, когда Рязанское княжество вошло въ составъ московскаго государства, границы подвинулись значительно на востокъ, и, такимъ образомъ, южная границы доходили до рѣкъ: Десны, Сейма, Оки, Зуши, Сосны, Верхняго Дона, Воронежа, Упы, Мокши и Нижней Суры.

Въ интересахъ укрѣпленія Рязанскаго княжества въ 1536 году построили Пронскъ—на рѣкѣ Пронѣ. Въ 1535 году южнѣе Рязанскаго княжества, въ землѣ мордвы и мещеры, построили Мокшанску на верхней Мокшѣ; въ 1536 году—Алатырь при впаденіи рѣки того же имени въ Суру. Наконецъ, въ 1552 году, на рѣкѣ Цнѣ—Шацкъ. Въ половинѣ XVI вѣка была готова Тульская черта, шедшая отъ Путинля черезъ Рыльскъ, Брянскъ, Мценскъ, Тулу, Пронскъ и Шацкъ.

Правительство заселяло линію служилыми людьми „по прибору“, раздавая имъ около городовъ помѣстья. Изъ центральныхъ мѣстъ сюда переводились крестьяне. Немало было и бѣглыхъ, искашихъ и здѣсь свободы.

Тульская линія приблизила границы государства къ верховьямъ Оки и Дона. Попятно, что населеніе уходило сюда за вольнымъ промысломъ, и постепенно верхнеокскій районъ начидалъ заселяться. И правительство по необходимости должно было обратить вниманіе на верховья Оки и Дона. Здѣсь по водораздѣламъ рѣкъ лежали такъ называемые татарскіе шляхи, по которымъ крымскіе татары дѣлали свои разбойнически набѣги. Для загражденія имъ пути, втеченіе 1554—1563 г., строится рядъ мелкихъ городковъ: въ 1566 г. появляется Орелъ, а нѣсколько позже—Чернь и Крапивна. Съ постройкой ихъ Тульская черта отошла южнѣе: на западъ она упиралась въ сѣверскую землю, затѣмъ шла черезъ Орелъ, Новосиль на Шацкъ.

Верховья Дона при царѣ Федорѣ Іоанновичѣ были защищены частью постройкой, частью возобновленіемъ: Воронежа на рѣкѣ того, же имени (1586 г.), Ливны на Быстрой Соснѣ (1586), Ельца на рѣкѣ Быстрой Соснѣ (1592 г.) и Кромъ недалеко отъ впаденія Кромы въ Оку (1595 г.). Благодаря постройкѣ Бѣлгорода, Оскола (1598 г.) и Валуекъ (1600 г.) линія городовъ выдвигается еще далѣе вглубь степи. А съ постройкой при Борисѣ Годуновѣ Царева—Борисова на Осколѣ правительственная колонизація передвинулась на югъ по теченію Оскола и Дона до

ихъ сліянія. Нельзя не признать цѣлесообразности этой колонизаціонной дѣятельности правительства: лишненое возможности уничтожить Крымское гнѣздо, правительство, захватывая степь, подготовляло постепенно окончательное завоеваніе Крыма.

Значеніе Тульской линіи и ее обороны. Тульская линія имѣла огромное стратегическое значение; поэтому правительство было занято организацией станичной и сторожевой службы. Высылая въ поле „сторожу“, смотрѣвшую за движеніями хищниковъ въ степи, правительство хотѣло имѣть быстрыя и точные свѣдѣнія о татарахъ, и тѣмъ самымъ не дать себя застать врасплохъ, какъ это было во время татарскаго набѣга въ 1571 году, когда Москва была сожжена. Военная колонизація вызвала приливъ населенія. Служилые люди получаютъ около городовъ помѣстья. Сюда переводятся и бѣгутъ крестьяне. Нетронутая пахотой земля постепенно захватывается сельско-хозяйственной культурой. Въ городахъ населеніе начинаетъ постепенно заниматься ремеслами и торговлей, но даже и эти занятія не измѣняли общей физіономіи города, военной крѣпости по преимуществу: ремеслами и торговлей занимался главнымъ образомъ военно-служилый элементъ. Населеніе и здѣсь довольно скоро вышло за предѣлы городской черты: когда служилыхъ людей надѣляли землей, то только часть ея отводилась подъ самымъ городомъ, а остальная на довольно большемъ разстояніи отъ города. Служилые люди сначала наѣзжали туда только временно для сельско-хозяйственныхъ работъ, работая подъ военной охраной своихъ сотоварищѣй; но мало по малу здѣсь возникаютъ постоянные своего рода городскія колоніи—это такъ называемые „выселки изъ городовъ“ изъ дѣтей, родственниковъ и крестьянъ служилаго человѣка, имѣвшаго постоянное пребываніе въ городѣ. Такъ; среди „дикаго поля“ возникали оазисы съ осѣдлымъ населеніемъ. Такие же населенные пункты возникали кое-гдѣ и независимо отъ городского населенія. Среди „дикаго

поля", часто подъ прикрытиемъ лѣса, устраивались усадьбы служилыми людьми и монастырями на пожалованныхъ земляхъ. Они переводили своихъ рабочихъ, крестьянъ, монастырскихъ дѣтенышей. Народная колонизация шла по тому же пути. Различные выходцы изъ Приднѣпровья въ лѣсахъ Московской Украины занимались бортничествомъ, а когда, съ приливомъ служилаго населенія, бортныя деревья стали хищнически разграбляться, то населеніе, въ цѣляхъ ихъ охраны, стало постоянно жить около бортей намѣчая бортныя деревья и устраивая пасѣки. Еще одинъ шагъ, и пасѣки превращаются въ хутора со скотомъ, пашней и всякаго рода инвентаремъ.

V

Въ Смутное время колонизация временно прекратилась. Немало новыхъ поселеній исчезло безъ всякаго слѣда. Татарскіе шляхи стали почти беззащитны, и кочевники стали снова смѣлѣе. Населеніе бѣжитъ на сѣверъ изъ бассейна рѣки Оскола и ищетъ защиты у Бѣлгорода или еще дальше у Воронежа, защищенного лѣсами Тихой Сосны. Въ первые годы правленія царя Михаила, занятаго внѣшними войнами, колонизация не двигалась дальше; систематическая колонизация идетъ только послѣ окончанія второй польской войны, во время которой правительству неоднократно приходилось убѣждаться въ необходимости укрѣпленія южныхъ границъ.

Съ 1636 года и начинается усиленная строительная дѣятельность. Довольно скоро выстроили Бѣлгородскую черту, примыкавшую къ Симбирской и Закамской оборонительнымъ линіямъ. Въ 1636 году для защиты южныхъ границъ бывшаго Рязанского княжества построили Козловъ на Воронежѣ, затѣмъ на верхней Упѣ—Тамбовъ, а на рѣкѣ Ломовѣ, притокѣ Мокши, два города Ломова: Верхній и Нижній. Страгическое

Колонизация
послѣ смуты

значение новыхъ городовъ, конечно, было большое: по сообщенію правительства „тѣми новыми городами и крѣпостями въ Ряжскихъ, Рязанскихъ и въ Шацкихъ во всѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ приводовъ укрѣплена“. Колонизаціонная политика правительства на этомъ, однако, не остановилась.

Строится и дальше новые города: Верхососенскій и Усердъ на Тихой Соснѣ, пересѣкавшей Кальміусскій шляхъ, Яблоновъ на Осколѣ, повыше Валуекъ, Чугуевъ на Донцѣ, Вольный и Хотмыжскъ на верховьяхъ Ворсклы. Конечно, постройка новыхъ городовъ требовала немалыхъ расходовъ, но, раздавая служилымъ людямъ земли, правительство могло меныше платить жалованія и тѣмъ уменьшало расходы по оборонѣ Україны. И при Алексѣѣ Михайловичѣ шла усиленная стройка. Выстроили Ольшанску на рѣкѣ Тихой Соснѣ, Острогожскъ, Усмань на рѣкѣ того имени. Къ концу 60 годовъ разстояніе между українскими городами было настолько незначительно, что правительство нашло возможнымъ соединить ихъ другъ съ другомъ валами острожками, засѣками. Вся эта непрерывная сѣть укрѣплений и составила такъ называемую Бѣлгородскую линію, заграждавшую татарскіе шляхи. Линія шла отъ верховій Ворсклы, пересѣкшая Донецъ, Осколь, Тихую Сосну, Воронежъ,—отъ Хотмыжска на Ворсклѣ, черезъ Ахтырку, Бѣлгородъ, Воронежъ, Усмань, до Козлова. Приблизительно въ это же время были выстроены Закамская и Симбирская черты, вмѣстѣ съ Бѣлгородской, составлявшія непрерывную нить укрѣплений, защищавшихъ южныя и юго-восточныя границы Україны.

Правиль насе-
ление кре-
Малороссіи. Постройка Бѣлгородской черты совпала съ казацкими движеніями въ Польшѣ. Населеніе, спасаясь отъ польскихъ порядковъ, бѣжало на территорію московскаго государства. Во время восстанія Хмельницкаго, на которое народная масса возлагала столько неоправдавшихъ надеждъ, переселенченское движеніе временно пріостановилось, но затѣмъ поднялось съ

новой силой, такъ какъ въ московской Украинѣ еще не успѣло установиться и окрѣпнуть крѣпостное право, уже дававшее себя чувствовать въ польскихъ владѣніяхъ. Московское правительство отнеслось съ большими вниманіемъ къ этому переселенческому движению, учитя его значеніе для обороны южныхъ границъ.

Лица, нежелавшія возвращаться обратно къ пану, шли на московскую территорію, наполняя собою старые города и основывая новые поселенія. Подъ вліяніемъ этой малороссійской эмиграціи появились Сумы, Лебедянь, Харьковъ, Ахтырка и множество мелкихъ слободъ до самого Дона. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ временно пріостановило наплывъ эмиграціи, и только въ эпоху такъ называемой Руины правобережное населеніе снова устремляется на лѣвый берегъ Днѣпра. Появляются Суда, Бѣлополье, Волчансъ, Торъ, Золочевъ.

Такъ, малороссійской эмиграції заселялся бассейнъ верхняго Сейма, Сулы, Иссела, Ворсклы, Донца, Оскола, охватывающихъ югъ Курской губ., почти всю Харьковскую и западную часть Воронежской.

Заселившіе Украину казаки образовали нѣсколько слободскихъ полковъ, но фактически существовало только пять: Ахтырскій, Сумскій, Изюмскій, Острогожскій и Харьковскій. Возникавшіе другіе полки существовали самостоятельно недолго и обыкновенно входили въ составъ вышеуказанныхъ полковъ.

Слободские полки, составляя иррегулярную армію, должны были помогать правительству въ его военныхъ цѣляхъ, за что послѣднее предоставляло имъ право эксплоатациіи рыбныхъ, лѣсныхъ и земельныхъ богатствъ, беспошлиниаго выкуриванія вина и продажи его.

Всѣ эти привилегіи слободскихъ полковъ были подтверждены Петромъ въ 1700 году, объединившимъ въ одну грамоту всѣ „права“ черкасскихъ полковъ.

Казацкіе полки заняли территорію южнѣе Бѣлгородской черты. Оказавшись внутри, она перестала вы-

полнять свое прямое назначение, и правительству приходилось снова думать о построении новой оборонительной линии, которая загородила бы водораздѣль Днѣпра и Дона, а какъ разъ тутъ и проходилъ важный для татаръ Муравскій шляхъ. Такая линія и была выстроена въ 70—80 годахъ, и въ ея составъ вошли городки: Соленый, Царевъ-Борисовъ, Савиновъ, Балаклея, Зміевъ, Соколовъ, Валки и Перекопъ на рѣкѣ Колымакѣ. Проходя вдоль рѣки Донца и переходя потомъ на притокъ Ворсклы Колымакъ, указанная слободская черта перерѣзала Изюмскій и Муромскій шляхъ, тѣмъ самымъ затруднивъ движение татаръ. Дальнѣйшее заселеніе Україны относится уже къ XVIII вѣку.

VI.

Донское казачество. Защита южной и восточной Українъ достигалась не только при содѣйствіи оборонительныхъ линій. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и народная колонизация, развивавшаяся параллельно правительственної, и степь наполнялась все больше и больше людьми, которыхъ тянуло къ себѣ ея приволье и степная опасность. Изъ такихъ элементовъ, промышлявшихъ рыбою, звѣремъ, подчасъ разбоемъ, и образовалось донское казачество, заселявшее бассейнъ Дона и его притоковъ: Хопра, Медвѣдицы, Иловли, Сала, Маныча. Правительство какъ разъ обходило эти мѣста изъ боязни слишкомъ близко стать къ татарамъ и др. кочевникамъ. Колонизация Дона особенно усилилась въ XVI вѣкѣ. Къ концу его уже весь Донъ былъ заселенъ казацкими городками и станицами. Кажется, станица Раздоры при впаденіи Донца въ Донъ стала средоточіемъ донского казачества.

Въ XVII-мъ вѣкѣ количественный составъ донского казачества значительно увеличивается. Сюда бѣгутъ изъ Московскаго государства и малороссійской Україны. На Дону появляются новые казачьи поселки и городки,

и казачество спускается все ближе и ближе къ морю, гдѣ ему пришлось непосредственно столкнуться съ турками, временно отнявъ у нихъ Азовъ. И во второй половинѣ вѣка замѣчается неприрывный ростъ казачества. Закрѣпленіе крѣпостного состоянія Уложеніемъ и гоненіе раскольниковъ поддерживали постоянно въ народной массѣ стремленіе уйти на Донъ.

Въ самомъ казачествѣ уже довольно отчетливо на-
мѣчалась дифференціація его состава. Благодаря пере-
полненію Дона новыми людьми, мѣстность, захвачен-
ная казаками, поневолѣ расширялась, и часть казаче-
ства очутилась въ центрѣ, защищенномъ съ юга по-
селками. Здѣсь хозяйственная жизнь складывалась по-
иному: насчетъ промыслового хозяйства развивалась
сельско-хозяйственная культура. Въ XVII вѣкѣ этотъ
процессъ пока только намѣчается. Одновременно часть
казаковъ уходила съ Дона. Еще въ XVI столѣтіи ими
было занято нижнее теченіе Яика, а иѣсколько позднѣе
мѣстность по Тереку, куда переселялись они отчасти
благодаря правительству, построившему въ 1584 году
городъ Терки.

Правительство созидало, конечно, пользу казацкой колонизаціи, какъ аванпоста для защиты пограничнаго русскаго населения. Оно и поддерживало казаковъ, посылая имъ деньги и всякие военные принасы. Но въ то же время сосѣдство вольнаго казачества давало себя постоянно чувствовать, являясь центромъ, куда уходили всѣ недовольные соціально-политическимъ укладомъ государства, и откуда шелъ активный протестъ противъ него, вродѣ разиновщины. Приходилось обратить и на это внимание. Въ 1682 году издается первое запрещеніе казакамъ принимать бѣглыхъ; 1683 году уже устраиваются заставы на границахъ современной Воронежской губерніи; а въ 1703 г. правительство Петра пытается привести въ извѣстность казачьи городки на Дону въ цѣляхъ болѣе существенного контроля надъ жизнью Дона. Но пока всѣ эти попытки не приводили ни къ

Яикѣ и Тер-
екѣ казакамъ.

отношеніе
правительства
къ казачеству.

какимъ существеннымъ результатамъ, и Донъ въ XVII вѣкѣ оставался казацкой колонией, гдѣ люди дышали свободнымъ воздухомъ. Конечно, близость турокъ и татаръ также заставляла правительство не прибѣгать пока ни къ какимъ репрессіямъ по отношенію къ казачеству. Активная борьба съ казачествомъ начинается только въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, казацкая колонизація захватила теченіе Дона, но пока въ XVII вѣкѣ терріторія фактически не принадлежала Московскому государству. Однако Крымъ, въ особенности же Турція, съ нескрываемой боязною смотрѣли на растущую народную колонизацію. Сама постройка крѣпостей по берегу Азовскаго моря указывала на то, какъ Турція смотрѣла на казаковъ, съ которыми происходили постоянно мелкія стычки и схватки на почвѣ борьбы за звѣринные ловы, гоны и рыбные богатства.

VII.

Завоеваніе
Сибирскаго
царства.

Образованіе казачества во многомъ содѣствовало покоренію Сибирскаго царства, возникшаго въ западной Сибири. О Сибири имѣли давно свѣдѣнія. Доходили до нея и новгородская вольница, и экспедиціи при Иванѣ III въ Югорскую землю за сборомъ ясака у ногуловъ и остяковъ. На востокѣ и югѣ Югорской земли расположились кочевьями сибирскіе татары по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Они обособились въ отдельное царство, включавшее ногуловъ и остяковъ. Послѣ паденія Казани Сибирское ханство состояло въ даническихъ отношеніяхъ по отношенію къ Москвѣ, но послѣ ли-вонскихъ неудачъ ханъ Кучумъ отказался платить дань, настраивая инородцевъ противъ Москвы и нападая на Пермскую землю. Правительство было очень озабочено охраной Пермской Украины. До покоренія Казани русское населеніе держалось только въ верховьяхъ Камы и Вятки, но затѣмъ русская колонизація становится

особенно замѣтной именно въ камскомъ бассейнѣ. Въ этомъ отношеніи выдѣлялась дѣятельность соляно-промышленниковъ Строгановыхъ, имѣвшихъ большія имѣнья въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ. Ихъ колонизаторской дѣятельности обязано заселеніе многихъ мѣстъ, „гдѣ прежде сего пашни не пахиваны и дворы не ставили“. Въ 1574 году Строгановы обратились къ Грозному съ просьбой о пожалованіи имъ земель по Тоболу и его притокамъ, съ правомъ держать и строить крѣпости, заводить тамъ слободы, пашни, владѣть угодьями, содержать сторожей и огненный нарядъ. Грозный далъ па это согласіе, освободивъ Строгановыхъ на 20 лѣтъ отъ платы податей и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ и разрѣшивъ разыскивать мѣдную, свинцовую руду и горючую сѣру.

Давая утвердительный отвѣтъ на членитѣе Строгановыхъ, правительство надѣялось на умиротвореніе восточной Украины, постоянно тревожимой нападеніями, а укрѣпленіе русской власти за Ураломъ обеспечивало исправный взносъ ясака сибирскими инородцами и усиливало возможность приобрѣтенія новыхъ плательщиковъ.

Перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уралъ превышало собственные средства Строгановыхъ. Долгое время ихъ намѣренія не могли осуществиться, пока къ нимъ не явились казацкія дружины, промышлявшія разбоемъ на Волгѣ. Строгановы приняли ихъ съ удовольствіемъ къ себѣ на службу и снарядили экспедицію за Уралъ. По вышности кончились она блестящѣ. Сибирское царство было покорено, сибирскіе татары должны были подчиниться казакамъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но завоеваніе Сибири оказалось непрочнымъ. Съ гибелью Ермака Сибирь стала снова фактически независимой, и ее снова пришлось покорять; но теперь правительство начинаетъ дѣятствовать поиному, развивая широкую колонизационную дѣятельность.

Экспедиція
Ермака.

Постройка
городовъ въ
Сибирь и за-
хвата теории
тории. Посылая казаковъ въ Сибирь, правительство Федора Ивановича предписало имъ построить тамъ городъ и укрѣпиться въ немъ.

Въ 1576 году воеводы построили первый русскій городъ, Тюмень на рѣкѣ Турѣ. Начинается медленная, но систематическая постройка городовъ съ поселеніемъ въ нихъ военнаго и отчасти торговаго элемента, отнимавшая постепенно у инородцевъ все большія и большія пяди земли. Въ 1586 году строится Тобольскъ на Иртышѣ, ниже впаденія въ него Тобола, ставшій операционной базой противъ Кучума. Затѣмъ постройкой небольшихъ городовъ въ бассейнѣ Иртыша и Оби правительство дошло до береговъ Оби; въ 1594 году строится на ней Сургутъ въ землѣ осяковъ, ставшихъ съ 1596 года платить дань московскому правительству. Двигаясь по верховьямъ Оби, въ 1597 году построили на рѣкѣ Кети Кетскій Острожекъ. Такъ правительство, двигаясь по рѣкамъ, постепенно отвоевывало у инородцевъ сибирскую территорію. Въ 1598 году построено на рѣкѣ Турѣ Верхотурье, и Турицкъ (1601). Правительство начинаетъ сообщаться съ Сибирью и сухимъ путемъ. Строя города, также все двигались дальше и дальше въ другомъ направлениі, вглубь Сибири, покоряя татаръ, киргизовъ и облагая ихъ ясакомъ. Въ 1604 г. появляется Томскъ на рѣкѣ Томи, и вслѣдствіе этого самого все населеніе по верхней Оби стало платить ясакъ. На время смуты колонизаціонное движеніе прекращается, возобновляясь съ новой силой въ XVII вѣкѣ.

Быстроѣтъ колонизаціоннаго потока немало содѣйствовало сближеніе системъ рѣкъ Енисея и Лены. По Нижней Тунгузкѣ, черезъ Чань и Вилуй, попадали въ Лену; туда же попадали и по другой дорогѣ—по Верхней Тунгузкѣ черезъ Кутъ—притокъ Лены—въ Лену, доходя до Ледовитаго океана, а потомъ по Алдану и его притоку Маю до Охотскаго моря.

Колонизационное течеиіе шло настолько быстро, что въ 1619 году уже былъ выстроенъ Енисейскій острогъ, и енисейские тунгузы были приведены въ „ясачное“ состояніе. Въ 1628 году выстроили Красноярскъ, такъ какъ съ юга нападали татары и киргизы, а съ востока бурята. Послѣ этого населеніе по верховьямъ Енисея стало платить ясакъ. Изъ Красноярска снаряжались экспедиціи служилыхъ людей къ верхней Тунгузкѣ для обложенія данью тунгузовъ и бурятъ. Въ результатѣ ихъ построили Братскій Острогъ, а жившіе тамъ тунгузы и бурята оказались покоренными.

Затѣмъ, съ верхней Тунгузки, черезъ Ишимъ и Куту, удалось пробраться до Лены, и въ 1632 году уже посреди Лены появился Якутскій острогъ въ земль якутовъ.

Тотъ же захватъ территоріи шелъ и по другому направлению, по Нижней Тунгузкѣ и Вилюю, а мѣстные якуты облагались данью, не безъ выгоды для промышлявшаго здѣсь казачества.

Якутскъ сталъ центромъ для всячаго рода казацкихъ экспедицій. Послѣдня винзъ по Ленѣ дошли до Ледовитаго Океана, отсюда дошли до рѣки Оленька, потомъ сѣять на Лену. Затѣмъ добрались до верховья Яна и Индигирки и, наконецъ, до рѣки Колымы, облагая мѣстныхъ инородцевъ якутовъ и юкагировъ данью. Такъ, съверь Сибири постепенно захватывался русскимъ населеніемъ.

Въ то же время изъ Якутска, черезъ Алданъ и Маю, казаки добрались до Охотскаго моря, обложивъ тунгузовъ и другихъ инородцевъ ясакомъ. Въ 1643 году изъ Якутска была отправлена экспедиція къ рѣкѣ Амуру, такъ какъ здѣсь, по свѣдѣніямъ тунгузовъ, жили люди, съявши хлѣбъ, имѣвшіе домашній скотъ, добывавши серебряную, мѣдную и свинцовую руду. Экспедиціонный отрядъ дошелъ до Амура и дальше до его устья, а потомъ вернулся въ Якутскъ инымъ путемъ: рѣками Ульею, Майею, Алданомъ и Леною.

Эта рекогносцировка подтвердила свѣдѣнія, сообщенные тунгузами, но, собственно, не дала никакихъ положительныхъ результатовъ. При царѣ Михаилѣ черта русскаго населенія доходила до Байкала, а жившіе здѣсь тунгузы платили ясакъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ движеніе на востокъ направляется за Байкалъ и на Амуръ, а также въ Анадырскую область. Постройкой ряда мелкихъ городковъ русскіе дошли до Амура, гдѣ столкнулись съ китайцами, такъ какъ русскіе собирали дань съ подвластныхъ китайскому боярьхану инородцевъ. Столкновеніе уладилось дипломатически путемъ, въ результатѣ котораго была уступка китайцамъ по Нерчинскому договору рѣки Амура. (1689 г.).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ колонизаціонная волна направилась и на югъ, въ болѣе теплыхъ мѣстахъ Сибири, въ цѣляхъ ихъ эксплоатациіи и подчиненія инородцевъ. Тамъ выстроили Ундинскій острогъ (1654), затѣмъ Исетскій острогъ (въ 1658 г.), Балаганскій (въ 1661 году) и въ 1661 же Иркутскій на рѣкѣ Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ) при впаденіи Иркута. Расширяется также черта поселеній къ югу, по Исети, Тоболу и Ишиму. Цѣлый рядъ слободъ и нѣсколько острожковъ явились показателями колонизаціонной волны.

Въ XVII вѣкѣ колонизаціонное теченіе захватило огромное пространство—всего около 150 тыс. миль; и на этомъ огромномъ пространствѣ ютились малочисленныя русскія колоніи, поддерживаившія въ подчиненіи мѣстныхъ инородцевъ и собиравшія съ нихъ ясакъ на крупную сумму до 600 тыс. руб., на наши деньги до 9 мил.

Способъ заселенія Сибири. Выстраивая городки въ Сибири, правительство было очень озабочено снабженіемъ ихъ достаточнымъ количествомъ военной служилой массы. Обыкновенно, воеводѣ, назначенному въ Сибирь, разрѣшалось брать съ собой добровольцевъ для службы въ Сибири. Желающіе переселяться получали отъ правительства подмогу и на казенныхъ подводахъ отправлялись въ Сибирь.

Но добровольцевъ находилось немного, и тогда правительство было вынуждено обратиться къ принудительному способу наполненія Сибири военно-служилымъ элементомъ. Служилые люди иныхъ городовъ попросту переводились на службу въ Сибирь, а къ нимъ присоединялись военнооплѣнныи и провинившіеся служилые люди, которыхъ тамъ верстали „въ дворяне, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки, и въ стрѣльцы“. Переселившіеся добровольно или по принужденію получали денежное и хлѣбное жалованіе, пока имъ не удавалось обзавестись собственной пашней.

За военными людьми шли въ Сибирь и представители иныхъ профессій: бѣлое и черное духовенство со всякаго рода родственниками, работниками, келейниками. И духовенство получало подмогу на проѣздъ и денежное и хлѣбное жалованіе въ Сибири. Съ появлениемъ духовенства строились церкви и монастыри, открывались архіерейскія каѳедры.

Особенно много заботъ доставлять правительству вопросъ о переселеніи въ Сибирь рабочаго элемента. Правда, некоторые изъ служилыхъ людей брали съ собой холоповъ и захребетниковъ, но количество послѣднихъ было незначительно, и культурная работа не могла начаться въ Сибири только при содѣйствіи этихъ элементовъ.

Крестьянская масса переводилась въ Сибирь добровольно и принудительнымъ путемъ. Переселенцамъ были обѣщаны льготы отъ податей и повинностей на иѣсколько лѣтъ, подмога и ссуда въ разныхъ размѣрахъ. Размѣры подмоги иногда доходили до 100 и 135 рублей. По принужденію перевозились дворцовые крестьяне. Попадали въ крестьяне плѣнныи и отчасти есъльные. За крестьянами шли въ Сибирь и посадскіе. Вызывались добровольцы, а такъ какъ таковыхъ было немного, то обыкновенно правительство обращалось къ принудительному переселенію. Посадскіе нужны были въ Сибири для отиравленія разныхъ государственныхъ

служь: по таможнямъ, кабакамъ и т. д. Переводились сюда и ямщики для устройства ямовъ. Такимъ образомъ, заселеніе Сибиришло большою частью подъ руководствомъ правительства, хотя началось оно и одновременно съ постройкой городовъ продолжалось также силами народной колонизаціи. Волна послѣдней то приливала для торга и промысла къ безошаснымъ укрѣпленіямъ, то уходила далеко за ихъ линію, торгуя, промышляя звѣремъ и грабя инородцевъ.

VIII.

Монастырская колонизация сѣвера Въ настоящее время почти невозможно нарисовать детальную картину колонизаціи нашего сѣвера и сѣверо-востока, но и при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о колонизаціи края нельзя не отмѣтить въ этомъ отношеніи огромной роли монастырей, причемъ послѣднее одинаково примѣнимо какъ къ XIII—XV, такъ и къ XVI—XVII в.в. Благодаря колонизаціонной дѣятельности монастырей, въ разныхъ мѣстахъ сѣвера, подчасъ очень отдаленныхъ, возникали селенія, появлялись погосты и слободы, а затѣмъ начиналась мирная хозяйственная дѣятельность, сопровождаемая эксплоатацией природныхъ богатствъ нашего сѣвера. Трудно даже приблизительно вычислить количество монастырей, появившихся въ это время. Нѣкоторые изъ нихъ были монастырями общежительными по типу, съ немалымъ количествомъ иноковъ и старцевъ; другіе же—представляли собою пустынь, возникшую среди лѣсовъ и болотъ, съ двумя тремя старцами. Въ монастыряхъ первого типа велось обширное хозяйство, находившееся въ рукахъ монастырскихъ приказчиковъ, на земляхъ монастырей живутъ крестьяне и монастырскіе дѣтеныши; въ пустыняхъ—хозяйственная работа совершилась руками самихъ отшельниковъ, пока, подъ вліяніемъ разныхъ условій, около отшельниковъ не собирались почитатели, и пустынь не превращалась въ общежительный монастырь.

Монастыри въ XVI и XVII в. возникали совершенно при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и въ предыдущее время. Неудовлетворенного жизнью въ монастырь тянула къ себѣ величавая природа съвера, угрюмость которой совпадала съ его презрѣніемъ къ миру и его благамъ. Обыкновенно инокъ искалъ себѣ уединенія гдѣ-нибудь въ глухи, въ мѣстѣ, которое „непроходимыя дебри и лѣсы темные, и чащи и дрязги всякия имать, и мхи и блата непостоянныя“. Тутъ строилась келія и часовня, а затѣмъ, когда около отшельника собираются его послѣдователи, строятся церковь и келіи, начинается хозяйственная разработка дебрей. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ съвера возникали удаленные отъ людей и мѣра скиты, пустыни, развивавшіе здѣсь свою хозяйственную дѣятельность, расширяя предѣлы русской населенности все дальнѣе и дальнѣе на съверъ и съверо-востокъ. Къ этой монастырской колонизаціи присоединяется въ XVII в. раскольничья, но учесть ея размѣры и результаты почти невозможно, хотя, можно предполагать, что ея размѣры были немалы. Въ XVI вѣкѣ монастыри добрались до перешейка между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ, спустились внизъ по Сухонѣ и поднялись вверхъ по Вычегдѣ, гдѣ столкнулись съ монастырями, основанными св. Степаномъ. Монастыри захватили огромную территорію, такъ что въ XVII в. колонизаціонный процессъ происходитъ внутри территоріи, захваченной монастырями въ XVI в. Изъ монастырей, проявившихъ въ XVI в. усиленную колонизаторскую дѣятельность, необходимо отмѣтить Соловецкій и Троицко-Сергіевскій. Благодаря дѣятельности первого постепенно заселялись берега Бѣлого моря.

Когда какой-либо монастырь осваивалъ землю и начиналъ на ней свою хозяйственную дѣятельность, онъ обыкновенно выпрашивалъ у государя грамоту объ утвержденіи за нимъ занятыхъ земель съ пожалованіемъ ему въ окрестностяхъ разныхъ угодий.

Просьбы монашествующей братии всегда встречали полное сочувствие со стороны власти,—не только земля оставалась за монастыремъ, правительство при этомъ давало монастырю разнаго рода льготы по платежу податей и несению повинностей, освобождало отъ подсудности мѣстнымъ властямъ, благодаря чему на земли такого монастыря стекалось немало народа изъ среды крестьянъ, что еще болѣе развивало хозяйственную дѣятельность монастыря. Около большихъ монастырей селилось немало торгово-промышленного люда, такъ какъ большиe и почитаемые монастыри всегда привлекали къ себѣ много народа, въ особенности въ праздничные дни, и естественно, что около монастырей возникали всякаго рода торги, ярмарки. Изъ такихъ посадовъ впослѣдствіи выростали иногда города.

IX

Итоги. Ростъ государственной территории непрерывно продолжался втечение XVI и XVII вѣковъ, хотя иногда его темпъ нѣсколько замедлялся, въ зависимости отъ внѣшнихъ столкновеній и внутреннихъ соціально-политическихъ причинъ.

Расширение государственной территории было следствиемъ передвиженія населенія, гонимаго то кризисами, то соціальными условіями. Иногда правительство даже боролось съ этой *народной колонизацией*, иногда пользовалось ею въ своихъ цѣляхъ.

Само правительство въ XVI—XVII вѣкахъ силой обстоятельствъ было вынуждено вести сложную политику, *правительственной колонизацией*. Ему нужно было бороться съ неуловимымъ подвижнымъ кочевникомъ,—единственнымъ средствомъ борьбы была постройка городовъ и укрѣпленныхъ „чертъ“, опоясавшихъ страну отъ Камы до Днѣпра. Эти грандиозныя мѣропріятія требовали массы служилаго люда, услуги котораго частью оплачивались землей, отбитой у кочевниковъ.

Измѣненіе соціально - политического уклада въ государствѣ содѣствовало росту казачества и притоку населенія на юго-восточные и восточные окраины. Притоку населенія въ южную окраину во многомъ содѣствовали неудачи казацкихъ войнъ съ Польшей: казаки и казацкіе полки бѣжали въ предѣлы Московскаго царства.

На колонизируемыхъ мѣстахъ населеніе устраивалось различнымъ образомъ: дворяне и дѣти боярскіе получали оклады, надѣлялись землею и низшіе служилые люди, занимавшіеся кроме того въ городахъ торговлей и ремеслами; крестьянская масса сильно развивала промышленную дѣятельность, кое-гдѣ переходя къ земледѣлію.

Необходимость защиты пермской украины повлекла за собой столкновеніе съ сибирскими инородцами, а затѣмъ началось медленное поступательное движеніе впередъ, распространившее черту русской осѣдлости до Охотскаго моря и Камчатки на востокъ и Ледовитаго Океана на сѣверъ. Характеръ колонизаціи Сибири напоминаетъ собой подобные процессы на нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ.

Въ результатѣ, территорія русского государства достигла колоссальныхъ размѣровъ, но населенность страны не соответствовала ея размѣрамъ. Эта непропорциональность отражалась на способѣ веденія хозяйства, хищническаго по преимуществу.

B. Пичета.